

45. Jung C. G. Erinnerungen, Traume, Gedanken von C. G. Jung. Aufgezeichnet und herausgegeben von Aniela Jaffe. Zurich, Dusseldorf: Walter Verlag, 1999. 430 s.
46. Levi-Strauss C. Antropologie structural. Paris: Librairie Plon, 1962. 454 p.
47. Levi-Strauss C. La pensee sauvage. Paris: Librairie Plon, 1962. 397 p.
48. Marcuse H. Eros and Civilization. A Philosophical Inquiry into Freud. Boston: Beacon Press, 1974. 282 p.
49. Mauss M. Manuel d'ethnographie. Paris: Payot, 2002. 190 p.
50. Radcliffe-Brown A. R. Structure and Function in Primitive Society. Essay and Addresses. Glencoe: The Free Press, 1952. 219 p.
51. Snodgrass A. Archaic Greece: The Age of Experiment. London Melbourne Toronto: J M Dent & Sons Ltd, 1980. 236 p.

А. А. Сепреев

**РАСШИРИТЕЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНА «РЕЛИГИЯ»
В ТРУДАХ РУССКИХ БОГОСЛОВОВ XX В.:
П. А. ФЛОРЕНСКОГО, С. Н. БУЛГАКОВА
И В. Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО**

Аннотация. В данной статье автор рассматривает наличие расширительного определения термина «религия» в трудах представителей русского православного богословия XX в.: П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова и В. Ф. Рассматривая разработанные богословами варианты дефиниций, автор приходит к выводу, что определения соответствуют современной религиозной картине. Они включают в себя такие аспекты, как терапевтическую и компенсаторную функции религии, индивидуализм, отсутствие какой-то конкретной границы религиозного и, используя терминологию П. Тиллиха, могут иметь конечный предельный интерес.

Ключевые слова: религия, религиозность, философия религии, русское богословие, XX век, Флоренский, Булгаков, Войно-Ясенецкий.

Степень уровня развития какой-либо науки характеризуется содержательной ясностью ее научных понятий. Религиоведение, как наука развивающаяся, и постоянно имеющая дело с новыми феноменами и фактами, имеет, однако, проблему с формулировкой определения термина «религия». Как отмечает К. А. Колкунова, кандидат философских

наук, «поиск определения своего предмета является одной из центральных тем для религиоведческих дискуссий» [4, с. 139].

В западной науке, в связи с вариативностью дефиниций, образовалась типологизация определений религий, произведенная Мелфордом Спиро, американским антропологом и религиоведом: он разделяет определения на реальные, нормальные, остенсивные; реальные определения, в свою очередь, подразделяются на субстанциональные и функциональные [8, с. 85-87]. Данный факт подтверждает центральное положение данной проблемы в современном религиоведении.

Исследователи религии и религиозности признают, что выявить «сущность религии» – дело сложное и неоднозначное, поскольку данный феномен при детальном анализе распадается на множество других феноменов, признание которых «религией» имеет некоторую сложность, как у исследователей, так и у самих представителей этих самых религиозных явлений.

Современная культура и современное общество являют религиозно-подобные формации, дать которым дефиницию традиционное религиоведение затрудняется: это феномены, определяемые некоторыми исследователями терминами «псевдорелигия» или «квазирелигия», (последний термин имеет большее распространение) в качестве примера которых можно привести вымышленные религии – джедаизм и пастафарианство, которые содержательно и формально соответствуют религии. И все же, данные феномены религией в привычном, традиционном понимании не являются, или являются таковой не в полной мере. Поэтому, обращаясь к анализу данных явлений, мы не можем, связывая их с религиозной сферой, применять в этом случае традиционное (ограничительное) определение термина «религия».

Расширительное определение термина «религия» предлагают в научно-религиоведческий аппарат многие ученые-религиоведы и теологи: один из известных примеров – определение Пауля Тиллиха, немецко-американского протестантского теолога. В своей работе «Христианство и встреча мировых религий» (*Christianity and the Encounter of the World Religions*) П. Тиллих дает следующую дефиницию: «Религия – это состояние захваченности предельным интересом, который делает все остальные интересы предварительными и содержит в себе ответ на вопрос о смысле жизни. Поэтому этот интерес, безусловно, серьезен и обнаруживает готовность пожертвовать любым конечным интересом, если он ему противоречит» [6, с. 399]. Такой подход позволяет определять такие феномены, как марксизм, фашизм (именно их Тиллих определял как квазирелигии), пастафарианство, джедаизм – относящимися к религиозной сфере.

Русское православное богословие XX в. также предлагает варианты расширительного определения. Наличие оных в Православном

богословии, как и в Западном, обусловлено вызовом эпохи: расширительное определение религии появляется с приходом секулярной парадигмы в Россию XX в. Нужно понимать, что подобные примеры в православной богословской традиции – это скорее исключение, чем правило. Ни один из авторов, у кого встречается расширительное определение религии, не развивает эту концепцию до какого-то окончательного результата. Однако сам факт таких определений говорит о положительном развитии русского православного богословия, которое смогло отреагировать на случившиеся изменения в сознании русского социума: можно сказать, что вплоть до переломного момента Православное богословие почти не реагировало на другие религии. Достаточно вспомнить, что у известного и крупнейшего богослова – св. Иоанна Дамаскина ислам входит в список 100 ересей, наряду с арианством и монофизитством [3, с. 150]. В языке православной теологии имеет место быть своеобразная монополизация религии, поскольку, долгие годы она, т. е. теология, решала иные вопросы и проблемы. Теперь, в эпоху секуляризации и постсекуляризации (эти два процесса сосуществуют), православное богословие осмысляет современность в ином ключе.

В данной статье нас интересует определение религии трех известных русских православных богословов, запомнившихся большим вкладом в развитие богословия, русской религиозной философии и науки вообще. Это – Павел Александрович Флоренский (православный священнослужитель), Сергей Николаевич Булгаков (православный священнослужитель), Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (архиепископ Лука).

П. А. Флоренский, в своем «Вступительном слове пред защитой на степень магистра книги: "О Духовной Истине"» (Подразумевается его труд – «Столп и утверждение Истины») 1914 г. излагает сущность религии таким образом: «Религия... притязает быть художницей спасения, и дело ее – спасать... Она спасает нас от нас, спасает наш внутренний мир от таящегося в нем хаоса... И поэтому если онтологически религия есть жизнь нас в Боге и Бога в нас, то феноменалистически – религия есть система таких действий и переживаний, которые обеспечивают душе спасение. Другими словами, спасение в том наиболее широком, психологическом, смысле слова есть равновесие душевной жизни» [7, с.132]. Раскрывая сущность религии через компенсаторную и терапевтическую функции, П. А. Флоренский расширяет границы определения, позволяя относить к понятию «религия», «религиозное» более широкий спектр явлений, претендующих на место религиозной сферы. Например, большинство современных религиоподобных явлений акцентируют внимание на терапевтических и компенсаторных функциях. Выражаясь словами П. Тиллиха,

зачастую именно стремление улучшить жизнь человека, привести к гармонии, является «предельным интересом» данных квазирелигий.

Заслуживающим внимания является и расширенное определение С. Н. Булгакова, которое можно выделить в двух его трудах: «Героизм и подвижничество» (1909) и «Свет невечерний: Созерцание умозрения» (1917). В первой работе Булгаков определяет религию как «те высшие и последние ценности, которые признает человек над собой и выше себя, и то практическое отношение, в которое он становится к этим ценностям. Определить действительный религиозный центр в человеке, найти его подлинную душевную сердцевину – значит узнать о нем самое интимное и важное, после чего будет понятно все внешнее и производное. В указанном смысле можно говорить о религии у всякого человека, одинаково и у религиозного, и у сознательно отрицающего всякую определенную форму религиозности» [1, с. 54]. «Свет невечерний» вносит еще одну оригинальную дефиницию: «Религия есть в высшей степени личное дело, а потому она есть непрестанное творчество» [2, с. 10]. В данном случае происходит еще одно расширение границы религиозного, универсализация понятия религии. Здесь также можно провести аналогию с «предельным интересом» П. Тиллиха, выделяя в этом определении «высшие и последние ценности». Также соответствует аспектам современной религиозности и индивидуализация религии, которая у С. Н. Булгакова обозначается «личным делом». В целом, данное Булгаковым определение также как и расширительная дефиниция П. А. Флоренского, способно охватить многочисленные уровни проявления религии и религиозного.

В. Ф. Войно-Ясенецкий (архиепископ Лука) в своей работе «Наука и религия» (2000) дает следующее определение: «Широко говоря, религия есть отношение к Абсолютному, к Тому, Кого мы называем Богом. Так как это отношение есть у всякого – даже атеиста, то и принято говорить, что у всякого есть своя религия. Но, принимаемая в таком виде, в широком смысле, религия может быть и правильной, и неправильной, истинной и ложной, нравственной и не нравственной в зависимости от того, что мы разумеем под абсолютной, высшей и последней ценностью мира и как к ней относимся – во что веруем и как веруем, что принимаем и что отвергаем» [5, с. 668]. Несмотря на то, что в основе определения фигурирует понятие Абсолютного, определение В. Ф. Войно-Ясенецкого (Архиепископа Луки) дает возможность говорить о новых религиозных феноменах на языке богословия, поскольку высшая абсолютная ценность в рамках определения может пониматься здесь и как нечто низшее относительно Бога. То есть, опираясь на методологию П. Тиллиха, «предельный интерес»

в этом определении может быть ложным, аморальным, конечным, что позволяет трактовать религиозность в более широком спектре.

Итак, как мы видим, русское православное богословие XX в., в лице некоторых известных богословов, наряду с западной наукой и теологией, смогло оценить происходящие в религиозной картине мира изменения, отреагировав на это соответствующим ей набором понятий. Наличие расширительных определений термина «религия» в православной богословской традиции открывает путь к консенсусу западной и отечественной религиозно-научных наук (к ним можно присовокупить и теологию) относительно определения сущности религии и религиозно-культурных формаций. Расширительные определения русских богословов – П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, В. Ф. Войно-Ясенецкого – несмотря на время и эпоху написания, удивительным образом сохраняют актуальность для современной постсекулярной эпохи: оперирование такими аспектами, как терапевтическая и компенсаторная функции религии, индивидуализация, творческая составляющая религиозного вполне характерно для современной религиозной картины мира.

Библиографический список:

1. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество / Сост., вступ. ст., коммент. С. М. Половинкина. М.: Русская Книга, 1992. – 340 с.
2. Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 416 с.
3. Иоанн Дамаскин Источник знания / Перевод с древнегреческого и комментарии Д. Е. Афиногенова, А. А. Бронзова, А. И. Сагарды, Н. И. Сагарды. М.: Индрик, 2002. 416 с.
4. Колкунова К.А. Религиоведение без религии: Современные подходы к определению религии // 750 определений религии: история символизаций и интерпретаций: монография / под ред. д-ра филос. наук проф. Е. И. Аринина ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014. 460 с.
5. Лука Крымский (Войно-Ясенецкий), свт. Избранные Творения. М.: Сибирская Благовонница, 2014. 752 с.
6. Тиллих П. Избранное: теология культуры / пер. с англ. Москва: Юрист, 1995. 479 с.
7. Флоренский П. А., свящ. Сочинения. В 4 т. Т. 2 / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачева. М.: Мысль, 1996. 877 с.
8. Spiro M. Religion: Problems of Definition and Explanation // Anthropological Approaches to the Study of Religion. London: Routledge, 2004. 220 p.